

Мариса пришла домой очень усталая, размышляя о пиве из бара. Она вспомнила Гектора, его электронное письмо, которое он отправил сегодня днем. Минул месяц после его ухода. Она тосковала по этой скотине, по его нежным поцелуям, которые не давали ей дышать. Всякий раз, когда она вспоминала об этом, у неё пробегала дрожь по спине. Он отказался от нее. Но почему? Этого она не знала. Может быть, там, на юге, откуда он приехал, у него была другая женщина? Случайный роман, который прекратился на время, когда он временно уехал на учебу?

Он появился из ниоткуда. Мариса впервые увидела его в «Мирамаре». Он ел моллюски и пил «Манику» из стакана. День был хорошим для пива. Она больше не могла пить. Врач посоветовал ей прекратить употреблять газированные напитки. Она пила вино.

В «Мирамаре» просить бутылку вина в одиночку было бы самоубийством перед общественным мнением. Она пошла туда покупать пиццу «*Четыре сезона*», но внезапно появился тот человек, который привлек ее внимание. Он был один, но в окружении «ночных бабочек» за соседними столиками. Они смотрели на него, как суки во время течки.

Внезапно она пришла в себя, когда бармен спросил её в третий раз, чего она хотела. В конце концов, она была в той же ситуации, что и проститутки. Ведь это была война за одну и ту же жертву. Она

вспомнила, что она женщина, и решила воспользоваться своими женскими чарами.

— Какой позор! Извините, сеньор! — произнесла она достаточно громко, чтобы ее услышал мужчина, обслуживавший посетителей. — Я пересяду за тот столик. Когда пицца будет готова, отправьте ее мне. Спасибо!

Она подошла к столу, где сидел Гектор, и просто сказала:

— Меня зовут Мариса. Я решила подождать мою пиццу за этим столиком!

— Я Гектор. Прошу, не стесняйтесь, мне нравится разговаривать с умными людьми!

Так все и началось.

Мариса снова открыла телефон, чтобы прочитать письмо. Читала и перечитывала первый абзац

«Надеюсь, что твоя обида на меня прошла. Кстати, все на свете мимолетно. Я просто предлагаю тебе подумать с холодной головой, устраивает ли тебя такая ситуация. Если это так, тогда ладно. Если ты говоришь, что думаешь обо мне, когда на тебя находит страх из-за жизненных проблем, то я задам тебе вопрос: почему не звонишь? Стыд?! Страх?! Или слишком меня уважаешь?!»

Она признала, что всякий раз, когда была в беде, вспоминала о нем; и когда весело смеялась, тоже вспоминала о нем. Когда ничего не делала, она заполняла свои размышления его образом: улыбаясь, разговаривая, советуя, обнимаясь. «Он прав: когда на меня находит страх, я вспоминаю его».

Но она никак не могла понять: зачем ей звонить? Фактически она должна была задать себе другой вопрос: почему бы не позвонить, если она действительно хотела ему звонить? Сколько раз она брала телефон и набирала его номер, нажимала на «ОК», а затем сразу же на кнопку «ВЫКЛЮЧИТЬ»? Стыд? Из-за чего? Из-за него? Ни в коем случае! Она уже много раз дефилировала перед ним без нижнего белья. А сегодня ей должно было быть стыдно из-за него?! Если хорошенько подумать, это был не стыд, а что-то вроде гордости. Да! Гордость. Это он должен был позвонить. Нет. Нет. Что-то было не так: он звонил ей три недели подряд, 18 раз в день. И она просто не ответила. Почему? Она не знала, почему. Возможно, она была одержима злым духом.

Она перешла ко второму абзацу электронного письма Гектора. Читала медленно, вновь и вновь перечитывая.

«Если ты хочешь узнать обо мне... Я никогда не отвергал тебя как подругу. Всё, что происходит, имеет под собой какую-то причину. У тебя были свои причины, которые, я считаю, справедливы для тебя.»

Это не оспаривается. Это то же самое, что и со вкусами, характерами и другими вещами. Жизнь разнообразна. В тот день, когда захочешь поговорить со мной, можешь позвонить. Я обещаю, что не коснусь тем, о которых не захочешь говорить. Я буду тебя уважать. Если это не сработает, пусть, я буду знать, как похоронить тебя в моем большом сердце. Без обид. И жизнь продолжится. Мы не для того в этом мире, чтобы терять или побеждать, а чтобы просто жить. Жизнь — все это и многое другое. Я считаю простачками тех, кто не улыбается, тогда как могли бы делать это с удовольствием».

Она все больше запутывалась: *«Всё, что происходит, имеет под собой какую-то причину. У тебя были свои причины, которые, я считаю, справедливы для тебя. Это не оспаривается».* Он имел в виду, что у него были большие причины убежать от меня? Ну, на самом деле он не убежал. Она провожала его в аэропорту. Умоляла его не улетать. Она могла бы устроить его на работу, поделиться с ним квартирой. Фактически, он провел с ней всю последнюю неделю. Это была лучшая неделя ее жизни. Неделя, полная оргазмов. Её квартира, в здании «Вумба» вся пропахла сексом.

В один из тех дней приехала бабушка — в её квартиру на шестом этаже. После того как она пришла, вся измученная, одолев шесть этажей пешком, она должна была, как обычно, спать, по крайней мере, шесть часов, выпив стакан воды. Но в тот день, как только она открыла дверь (у нее был ключ от квартиры), она почувствовала знакомый запах и сказала: *«Мариса, здесь пахнет чем-то, что я знаю, но не помню, что это такое? Ты знаешь, даже моя усталость исчезла! Я чувствую ностальгию, не знаю по чему... Ты можешь принести мне какую-нибудь книгу? Похоже, сегодня у меня будет бессонница!»* И с улыбкой спросила:

— Что ты здесь делала?!

Вспоминая этот случай, она мило улыбнулась. Внезапно она подумала, что это просто воспоминание. Почему он не хотел ее? Она понятия не имела. Быть может, время, проведенное с ним, было всего лишь сном. Теперь она проснулась, как медведь из зимней спячки. *«Это не оспаривается».* Кто это сказал?! Ей так захотелось быть с ним, чтобы возразить ему, что о вкусах спорят. Она могла бы убедить его сделать все, что захотела. Нет. Это было несправедливо? Она должна была его заколдовать? А был бы он счастлив? Очень эгоистично со ее стороны! Она была неправа. Фактически он уже попрощался и уехал, потому что *«всё, что происходит, имеет под собой какую-то причину. У тебя были свои причины, которые, я считаю, справедливы для тебя. Это не оспаривается».*

Она обратила внимание на следующий абзац. Он был слишком хорошо. Это был кульминационный момент письма. Это была самая привлекательная его часть. Она читала это бесконечное количество раз.

«В самом деле, я тоскую по тебе, мне тебя не хватает: твоего голоса, твоих поцелуев, твоих объятий, интимности, твоего внимания и особенно ускорения твоего прерывистого дыхания в момент оргазма, эти нежных свистящих вздохов...»

Постоянно улыбаясь, она видела лицо Гектора, произносящего признания в любви, исполняющего серенаду для двоих. Она в постели, а он сидит на ковре, играя на губной гармошке. Он так хорошо играл! У него был необычайно романтический голос, но он не мог петь. Волынка, да. Настоящий Исмаэль Ло¹ в миниатюре в ее комнате. Серенада заканчивалась, когда она говорила «да» страстному объятию, которое опьяняло ее после двух вздохов, потерянных в астматических свистах, в то время как партнёр стонал, как бородавочник в лесах Чирамбы.

Она перестала думать. Ничего не отрицала, из того что было написано. Она чувствовала то же самое. Она вспомнила, что у нее был сберегательный счет. Она могла купить билет в Мапуту. Нет. Она не знала, где он жил. И с ним не было контакта. Слезы лились из ее прекрасных глаз. Они оставляли графитовые следы на ее щеках и вливались в красную слюну, которая стекала под подбородок. У нее было кровотечение. От злости она так закусил губы, что на них даже не было губной помады — она ее проглотила.

Она перескочила к последнему абзацу, самому трудному, чтобы его переварить.

«Я думал, что мы могли бы стать друзьями, наподобие пива из бара, которое, в конце концов, всегда остается холодным. И поэтому очень вкусным».

Пиво из бара. Пей сколько захочется, но никогда не уноси домой. Он был пивом из бара. Кстати, это могла быть и она. Она была просто женщиной для секса, и ее нельзя было унести домой. Почему? Потому что она не могла быть пивом из супермаркета, которое про-

¹ Исмаэль Ло родился в 1960 г. в семье сенегальского государственного служащего, который любил американскую музыку соул. Он вырос на музыке Джеймса Брауна. Первую свою гитару он смастерил из использованных масляных банок. Исмаэль Ло выучился игре на гитаре и губной гармошке и в течение пяти лет играл в составе группы Super Diamond. В начале 1980-х гг. он начал сольную карьеру, а в 1981 г. записал дебютный альбом Gor Sayina. В Африке Исмаэля Ло называют сенегальским Бобом Диланом за его манеру игры на гитаре и губной гармошке, а также за глубокомысленную лирику.

дается теплым и охлаждается дома? Пиво надо пить прохладным или холодным... В конце концов, лучше пить барное пиво, чем ждуть и глотать слюну, когда оно будет готово к употреблению. Теперь понятно! Он был пивом из бара. Пиво из бара никогда не уносят домой. Оно теряет изящество. Что это было бы за пиво?! Которое продается стаканами? Его, безусловно, не пьют дома. В конце концов, моя великая любовь была запретной любовью. Он рассказал историю пива из бара, но среди шуток, которыми он сыпал, она не восприняла ее всерьез.

Рыдания перехватили ее горло. Она вошла в спальню с зажатым в руке телефоном. Бросилась на кровать, свободной рукой взяла подушку и швырнула ее о стену. Потом подошла к окну, откуда открывался захватывающий вид на залив Софала в сумерках. В тот день закат был завораживающим. Цапли в монотонном полете выстроились в ряд, стремясь к закату, как будто намагниченные, двигаясь, как роботы. Мариса стала зрителем этого природного и бесплатного зрелища. Внезапно ее лицо лишилось выразительности. Она не плакала, но и не была весёлой. Она просто была. Внезапно она поняла, что была в настоящем. В тот момент. Не было никакого плача ни о прошлом, ни о будущем. Ее ум отключился. Она все поняла о самой себе. Наконец, она освободилась. Свободна! Без каких-либо обязательств. Теперь у нее было много времени, чтобы осознать себя.

Она перешла к прощальному абзацу.

«Крепко обнимаю!»

Да. Последнее объятие. Хотя и виртуальное. Но лучше это, чем ничего. «Крепко обнимаю!» Она обхватила руками круглые груди и сжала так, что чуть не заплакала от боли. Вздохнула. Солнце уже выполнило свою миссию в этот день. Мариса решила ответить на электронное письмо Гектору. Она осторожно сформулировала свои мысли. Писала и удаляла много раз. Хотела оскорбить его, сказать коротко и грубо!.. Она долго размышляла.

«Пиво из бара действительно хорошее и, следовательно, дороже».

Так она начала. Остановилась, чтобы сделать умственную передышку. Подумала, что надо продолжить. Но это должно выйти изнутри и быть правдой. Зачем притворяться? И что она выиграла бы от этого?! Ничего. И она продолжила.

«Добрые старые времена всегда будут вспоминаться с большой нежностью».

Она говорила только правду. Если он захочет, пусть рассказывает всем, кому хочет. Ей не будет стыдно за это. Она провела лучшие моменты своей юности с этим барным пивом. Оно было слишком

хорошим, чтобы быть пивом из супермаркета. Все было идеально — смех, поцелуи и объятия. Даже молчание было как добрая беседа.

«Внутри меня действующий вулкан, я прихожу в себя и вижу, чего я действительно хочу; у меня мешанина из мыслей, которые приводят меня в смятение».

Еще одна правда. Она обнаружила, что могла жить без него и быть счастливой. Фактически, она была цельной) натурой со всем и не нуждалась в ком-либо, чтобы быть счастливой. Просто ей надо иметь кого-то, потому что она общительна. В конце концов, иногда нужно слушать шутки других! Если всю жизнь слушать лишь собственные шутки, они перестают быть шутками и становятся мучением.

«Не смотря на всё, ты в моем сердце; это то, с чем я не могу, да и не хочу бороться!»

Зачем бороться?! Её душа умолкла, когда она написала это. Даже не поняла, как написала последние слова. «...да и не хочу бороться!» Она уже зарыла топор войны. Она была умиротворена. Она была на том этапе, когда могла провести ночь с ним, как с братом. Страсть прошла. Основание для страсти — быть чем-то необычным. Она как дрова — какой бы ни была, всегда заканчивается пеплом.

«Ты тоскуешь? Я чувствую это! Желание говорить, обниматься и безудержно заниматься сексом? О да! Я все еще возбуждаюсь, лишь думая о тебе, и наполняюсь воспоминаниями о сексе по телефону, когда ты сводил меня с ума и оставлял мокрой; ты был всем!»

Все было сказано, и откровенно! Без стыда. Без страха. Как и положено. И еще: «...ты был всем!» Ну да!

«Но моя жизнь сводится к тому, чтобы прожить то, что жизнь мне предлагает, а не то, что мне хочется. Ты мое большое желание!»

В замешательстве между прошлым и настоящим, Мариса решила закончить сообщение. Она безразлично перечитала его содержание. Она уже решила. Впереди — дорога. И добавила:

«Это было хорошо, пока продолжалось.

До свидания.

Всегда твоя Мариса».

Она отправила сообщение. В это время звенит звонок в ее квартиру закодированным звучанием, объявляя о прибытии Гектора. Полная тишина. В доме слышалось только биение сердца Марисы, как будто это был Биг-Бен в полдень в Лондоне...